

К. Григорьян

Живописец Богдан Салтанов в Московской Оружейной Палате

Еще в XVII веке имели место факты, свидетельствующие о культурных связях между Россией и армянами. „Из сношений 1671 года видно, что в Москве был тогда весьма искусный живописец, и находились другие художники из армянской нации“.¹ Факт существования целой группы армянских художников в Московской Руси XVII века достоин особого внимания. Однако, эти смутные сведения еще мало дают основания говорить об этой группе художников что-либо достоверное. Но мы можем определенно говорить о деятельности художника-армянина Богдана Салтанова, царского живописца XVII века, имя которого стало известно узкому кругу специалистов в начале XX века благодаря исследованиям Александра Ивановича Успенского.

Богдан (Иван Иевлевич) Салтанов, художник иноземец „армянской веры“, прибывший в Россию из „Шаховой области“ — из Персии, работал в Московской Оружейной Палате в качестве живописца и иконописца в течение тридцати пяти лет. Исследователи древнерусского искусства при самом различном отношении к личности художника и к его творчеству считали своим долгом уделить ему определенное место в истории русской живописи и русского иконописания; все они говорят о Салтанове, как об одном из крупнейших живописцев-иконописцев XVII века.

Известный исследователь русской старины, автор двухтомного труда „Домашний быт русских царей“. Ив. Забелин уделил не одну страницу описаниям работ Салтанова, которого он называет одним из „первых живописцев царского двора“,² который „своим искусством и деятельностью далеко превзошел всех своих предшественников“. В книге Г. Филимонова о Симоне Ушакове упоминается „известный живописец армянин Богдан Салтанов“.³ Другой исследователь истории русского иконописания В. И. Успенский пишет: „В XVII веке на поприще русского иконописания трудятся: из Афин гречанин Апостол

¹ Историческая записка о первоначальных и последующих сношениях армянского народа с Российским государством. Собр. актов, часть 2-ая, стр. 288.

См. также: Сергей Глинка. Обзор истории армянского народа. Часть вторая, стр. 238.

² И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., часть I, Москва, 1862, стр. 131, 164.

³ Г. Филимонов. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. М. 1873, стр. 31. О Салтанове в этой же книге см. стр. 48, 49.

Курьев, из Армении Богдан Салтанов, из Австрии Данило Вухтер и Иван Детерс, из Швеции Дерсон, из Польши Станислав Лопуцкий".¹ Один из позднейших историков искусства Московской Руси А. Новицкий так определяет место Салтанова в истории русской живописи: „Салтанов среди живописцев занимал такое же положение, как Симон Ушаков среди иконописцев“.²

Несмотря на то, что многие исследователи говорили о Салтанове, о его многолетней деятельности в России, но никто специально не занимался художником „иноземцем“. Салтанова открыл Александр Иванович Успенский. Ему принадлежит и заслуга составления первой биографической справки о художнике. В 1907 году А. И. Успенский выступил в печати со специальной статьей, посвященной Салтанову.³ Через несколько лет неутомимый исследователь древнерусской живописи издал четыре объемистых тома „Царские иконописцы и живописцы XVII века“ с публикацией материалов из московского архива министерства императорского двора.⁴ Второй том этого труда составил Словарь царских иконописцев и живописцев XVII века,⁵ в котором после центральных фигур русской иконописи XVII века Симона Ушакова и Василия Познанского более всего внимания уделено Салтанову, которому в Словаре посвящено более десяти страниц с воспроизведением сохранившихся образцов его иконописи. Тогда стало очевидно, что Салтанов заслужил право занять свое место в истории русской живописи и иконописи XVII века.

Не всегда так легко и просто установить национальную принадлежность того или другого живописца, работавшего в Московской Оружейной Палате. Вот что говорит по этому поводу А. И. Успенский: „Многие из иностранцев принимали русское подданство и православную веру и теряли свои прежние имена и фамилии, по которым можно было бы определить их национальность. Поэтому те мастера—„иноземцы“, которые называются в официальных документах Васильями Ивановыми, Иванами Кирилловыми, Иванами Николаевыми и др., являются для нас личностями загадочными, без сведений об их иностранных фамилиях“.⁶ В самом деле, кто мог бы по-

¹ В. И. Успенский. Очерки по истории иконописания. СПб. 1899, стр. 76—78.

² А. Новицкий. Парсульное письмо в Московской Руси. Старые годы, 1909, июль—сентябрь, стр. 390.

³ Царский живописец дворянин Иван Иевлевич Салтанов (из открытий и области истории русской живописи XVII века). Очерк приват-доцента А. И. Успенского. Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Март, 1907, стр. 75—86 (с воспроизведением шести работ Салтанова в тексте статьи).

⁴ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. I, II, III, IV, М., 1910—1918.

⁵ Записки Московского Археологического Института, издаваемые под редакцией А. И. Успенского. Том второй. А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Словарь. М. 1910.

⁶ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века (т. I.) М. 1913, стр. 24.

думать, что Марк Асгафьев и Савва Яковлев (ученики Салтанова) были арабами. А что говорят, например, такие фамилии, которые встречаются среди живописцев и иконописцев XVII века: Чекулай, Борис Чечотка, Ондрей Тарара, Стефан Козел, Тимофей Чорт, который в других случаях упоминается как Чертенок или Чертенков. Эти фамилии-прозвища, упоминаемые в официальных документах, дают весьма мало основания для определения их национального происхождения.

Однако, с Богданом Салтановым все обстоит ясно. Во многих документах точно и определенно говорится, что он был армянином из Персии, армяно-грегорианского вероисповедания. На официальных бумагах Салтанов расписывался на армянском языке.¹

История нам дает немало примеров, когда весьма сложно и своеобразно складывается жизнь художника. Достоверно неизвестно, когда и где родился Салтанов. Можно только предположительно считать, что он родился в 20—30-х годах XVII века в городе Исфагане. Нетрудно догадаться, какие причины побудили его, как пишет он в одном из документов, покинуть „в своей стороне отца своего и мать и весь род“, скитаться по свету, наконец приехать в Россию и во дворце русского царя искать счастливой доли. Нужно только вспомнить, как изнывал в XVII веке армянский народ под иранским игом. До приезда Салтанова в Россию о его жизни и деятельности ничего неизвестно. Одно только можно с полной уверенностью сказать, что он приехал в Россию будучи уже искусным мастером-живописцем. У Забелина мы находим следующие строки: „Дворцовые иконописцы и живописцы, под главным смотрением иконописца Симона Ушакова и живописца, нарочно вызванного из Шаховы области (Персии), армянина Богдана Салтанова начали писать в хорах стенное и подволочное письмо“.² Речь идет о живописных работах в Коломенском дворце, которые были начаты в июне 1669 года и продолжались более двух лет.

Салтанов был грамотным человеком, владел свободно армянским письмом, что дает основание думать, что он учился в каком-либо армянском монастыре, которые в ту эпоху представляли своеобразные очаги культуры и просвещения. Салтанов приехал из города Исфганз, где славилась школа армянских миниатюристов-живописцев. Образцов работ армянских художников, работавших в Исфагане в XVII веке, сохранилось немало. До сих пор еще обращают на себя внимание росписи церквей в Новой Джульфе. Согласно Аркеку Дарвижскому, большой славой пользовался художник XVII века Минас. Он расписывал стены домов богатых армян. Есть все ос-

¹ Там же, том IV, 1916, стр. стр. 494, 502, 507 (см. документы №№ 564, 583, 593).

² И. Забелин. Домашний быт русских царей XVI и XVII ст. Часть I. М. 1882, стр. 353.

нования полагать, что Минас принимал участие и в церковных росписях. В Новой Джульфе были также и миниатюристы. Среди последних надо выделить Акопа Джугаеци, от которого дошло до нас несколько рукописей.¹

Вполне можно предполагать, что Салтанов принадлежал к этой плеяде армянских живописцев. К сожалению, из его работ миниатюр до сих пор ничего не обнаружено для того, чтобы можно было бы говорить более определенно о происхождении стиля его работ этого типа. Однако, известно, что Салтанов был не только живописцем-иконописцем, но и владел он искусством книжных украшений; был он и миниатюристом. Вот что рассказывается в одном из документов:

„В прошлом во 181 году (т. е. в 1673 году), по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великие и Малые и Белые России самодержца, писал оружейной палаты живописец Богдан Салтанов на полотне своем, и своим серебром и красками 12 пророчиц сивилл, и те сивиллы поднес великому государю околничей Артемон Сергеевич Матвеев. Да в нынешнем в 182 году (т. е. в 1674 году), по указу ж великого государя, писал он же живописец Богдан Салтанов в книгу „Василиэлогион“ персоны ассирийских, перских, греческих, римских царей и Великороссийских великих князей, и великих государей царей, всего 26 мест на своем полотне и своим золотом, и серебром и красками; и за полотно на чем 12 сивилл и 26 государских персон писал, и за золото, и за серебро, и за краски денег ему Богдану не заплачено, и за работу живописного писма ничего не дано“.²

Приезду Салтанова в Россию содействовал стольник Посольского Приказа Василий Даудов, тоже уроженец города Исфазана; которого без достаточного основания его биограф Н. Селифонтов причислил к армянской нации.

Сохранился документ о поступлении Салтанова на службу в Оружейную Палату, в котором говорится:

„175 г. июня в 15 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец указал быть внось в Оружейной Палате иноземцу арменские веры в живописцах Богдану Салтанову, который по указу его великого государя прислан в Оружейную Палату из Посольского Прика-

¹ А. Н. Свирии. Миниатюра древней Армении. Госуд. Изд-во „Искусство“, М.-Л., 1939, стр. 123—124, 127—128, 130.

² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Том шестой. СПб. 1857, стр. 197.

„Книга о сивиллях...“ и „Василиэлогион“ принадлежат перу переводчика Посольского Приказа Николая Гавриловича Спафария. Подлинник первой с миниатюрами хранится в Румянцевском музее. По всей вероятности, это экземпляр, преподнесенный царю Алексею Михайловичу в 1672 году, и миниатюры в тексте принадлежат кисти Богдана Салтанова.

зу в нынешнем во 175 м году июня в 8 день Посольского Приказу переводчиком Васильем Доудовым, и выучить ему своему мастерству из русских людей учеников впредь для его государевых живописных дел, а для его иноземства великий государь указал ему дать своего государева жалованья в приказ с дворцов питья и корму с сытного десять ведер вина дворянского, ведро вина двойного, пятнадцать ведер пива, десять ведер меду, романе, ренского вина, церковного по полуведру, с кормового белужку, осетрика, да свежих рыб шесть посолив, хлебного осмину муки пшеничной..¹ В те времена в московском дворе нужда в искусных живописцах была большая и царь дорожил приезжими иностранными мастерами. Вот почему и Салтанова приняли так хорошо и он не был единственным иностранным мастером в Оружейной Палате. Тогда, в особенности во второй половине XVII века, при царе Алексее Михайловиче, который был большим любителем и покровителем искусства, приезжали живописцы в Россию не только с Запада, но и с Востока.

Уже в 1662 году в Оружейной Палате состояли на царской службе 60 иностранцев. Среди них: немцы, значительное количество поляков, два грека, араб Савка Яковлев, перс (кызылбашенин „шаховой области“) шелкового дела мастер Мамодалей Ажитов. В 1667 году присоединился к ним и армянин „из шаховой области“, т. е. из Персии, Иван Богдан Салтанов. Таким образом, Богдан Салтанов с 15-го июня 1667 года стал „постоянно жалованным и кормовым иконописцем-живописцем для государевых дел“. Царские иконописцы и живописцы находились в ведении Оружейного Приказа, во главе которого стоял оружничий. Оружейный Приказ не только хранил царское оружие, но и ведал заготовкой холодного и огнестрельного оружия, стягов и знамен для рядовых воинов, красивого и богатого оружия и вооружения. На основе Оружейного Приказа возникает и Оружейная Палата, в отдельном доме около дворца.² Она представляла собой огромную мастерскую, где было сосредоточено не только оружейное дело, но и работы по живописи и иконописи, писание знамен, украшение книг, грамот: чекавное дело. Здесь же помещались мастерские: кузнечное, плотничное, швейное и т. д.

В годы работы Салтанова во главе Оружейной Палаты стоял боярин Богдан Матвеевич Хитрово, через которого иконописцы общались с русским царем.

Постоянные иконописцы и живописцы для „государевых дел“ получали жалованье хлебом и деньгами. Обычные иконописцы в среднем получали, кроме кормовых, от 3-х до десяти рублей в год.

¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. III, стр. 385—386.

² Об этом подробно рассказано в статье В. Трутовского. Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Московская Оружейная Палата, Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. 1909. июль—сентябрь, стр. 345—383.

Более крупные оклады получали уже искусные мастера. В частности: Иван Безмин получал в 1677 году 65 рублей, а Симон Ушаков — самый высокий оклад из русских иконописцев: он в 1678 году получал 67 рублей в год.

Иностранцам платили значительно более повышенные оклады, почти в двойном размере. При поступлении в Оружейную Палату Салтанову было определено жалованье 120 рублей в год, т. е. столько, сколько получал тогда немец Энгелес, а в 1679 году оклад Салтанова был повышен до 156 рублей в год, т. е. столько, сколько получал другой искусный иностранный мастер Даниил Вухтерс.¹ Несмотря на хорошее вознаграждение, Салтанов жил в нужде и часто вынужден был обращаться к царю с просьбой выдать дополнительные средства для существования. „Челобитные“ Салтанова дали повод Успенскому обрисовать моральный облик художника в неверном свете.

„Художник наш, — пишет далее Успенский, — прожив несколько лет в Москве, увидел, что принятие православия для иноверцев может для них служить очень выгодною статьею, Чособенно если они живут при дворе, — и вот в 1674 году он решается сделаться православным“.² „Не позднее, как осенью того же года, — продолжает он, — армянин, указав на принятие им православия, просит царя пожаловать его потомственным дворянством... 24-го ноябрю 1674 года Иван Иевлевич Салтанов, исключительно благодаря своей энергии и ловкому выжимательству, сделался московским дворянином“.

Уже сам тон автора достаточно говорит о его тенденциозном отношении к фактам биографии художника. Разберемся и в этом по существу. Салтанов был прекрасным мастером, который выполнял самые ответственные работы для двора русского царя. Из царских иконописцев-живописцев XVII века Салтанов не был единственным, который был удостоен дворянства. Современники Салтанова, Симон Ушаков и Иван Безмин, тоже из простых людей были возведены в дворянское достоинство. Тем более, что, судя по документам, искусство Салтанова расценивалось тогда не ниже работ вышеуказанных мастеров.

Перейдем к просьбам Салтанова увеличить жалованье или выдать единовременные пособия. В этом нет ничего из ряда вон выходящего. Просили все, как об этом говорят документы. Просил и Салтанов, который имел не меньше, а скорее больше основания рассчитывать на милость царя. Иначе было бы странно, что все просьбы Салтанова, как показывают документы, удовлетворялись. Нельзя же предполагать, что это происходило исключительно по доброте и мягкосердечию русского царя. И, наконец, не так легко и сладко

¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. IV, стр. 15

² Старые годы, 1907. март. стр. 77.

жило Салтанову в России, как это изображается в работах Успенского. Вот три документа, показывающие как жил Салтанов в Москве, будучи царским живописцем.

„Царю Государю и В. К. Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцу бьет челом холоп твой живописного дела мастер иноземец Богдашко Салтанов. По твоему В. Государя указу и по грамоте, как я холоп твой приехал к тебе В. Государю в Москве, и отведено мне жить палатка на новом Гостине дворе, над таможенными сенями, старая, безо всякого нутряного строения, и я холоп твой в той палатке двери и лавки и к окнам окончины и ставни и печь и всякое нутряное строение строил своими деньгами. А как был большой пожар и в тот большой пожар все то строение погорело, и после пожару в той палатке опять построил все снова своими ж деньгами. А ныне Государь в большой таможене учинен Сибирской Приказ и тое палатку мне велят очистить, а мне холопу твоему опричь того приютитца негде. Милосердый Государь пожалуй меня холопа своего не вели Государь меня из той палатки высылать, потому что я строил ее двою, проча себе, своими деньгами, чтоб мне меж двор неволочитца с людишками своими. Царь Государь смилуйся.

Помета на документе: 178. Апреля... Послать память в Сибирской приказ, выслать его Богдана из той палаты для государевых дел не велеть“.¹

Второй и третий документа достаточно наглядно показывают как Салтанов занимался „вымогательством“.

Второй документ гласит:

„Царю Государю и В. К. Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцу бьет челом холоп твой Шаховы области живописного дела мастер Богдашко Салтанов. По твоему В. Государя указу и по грамоте выехал я холоп твой к тебе В. Государю к Москве мастерством своим Тебе В. Государю поработать, да со мною ж выехал брат мой; и я холоп твой своим мастерством тебе В. Государю живописное всякое дело работаю беспрестанно, и своему мастерству русских людей учу; и в Коломенском в твоих В. Государя хоромах у стенного письма работал два года; а твое государево жалованье месячной корм даетца мне помесячно, на хлеб и на дрова и на всякой харч и на конской корм, всего по десяти рублей, из приказу новые чети. И на нынешний Государя на 179 год месячного корму мне ничего не дано, испроелся без остатку, и занял я на пропитанье у своего человека шестидесят рублей с лишком, и те денги исхарчил же, и впредь пракормитца стало нечем и занять не у кого, и того долгу заплатить не-

¹ Материалы для истории русской иконописи, собранные Ив. Забелиным. Временник Императорского Московского Общества Истории и древностей российских. Москва, 1850, стр. 115.

чем. Милосердый Государь-царь и В. К. Алексей Михайлович всеа Великия, и Малыя, и Белья России Самодержец пожалуй меня холопа своего вели государь мне свое государево жалованье месячной корм на 179 год из приказу новые чети выдать и о том из оружейного приказу в приказ новые чети послать память, чтоб мне с людishками голодною смертию не умереть и было бы чем тот долг заплатить. Царь Государь смилуйся"

На обороте помета: „179, октября 14. Послать память в приказ новые чети“.¹

Наконец третий документ: в 1657 году, умерла его жена. Он пишет челобитную:

„В нынешнем во 196-м году, волею Божиею, женишки у меня не стало, а погребести мне нечем. Милосердые великие государи, пожалуйте меня, чем было бы мне женишка своя погребести“. Салтанову было выдано десять рублей на похороны.²

Беспристрастное отношение к этим документам, более объективная их оценка не могла бы привести к тем ошибочным выводам, к которым пришел Успенский, утверждая, что Салтанов в России „устроился на славу“, и к тем суровым характеристикам, которые искажают моральный облик художника. Затем, в интересах справедливости нужно сказать, что Салтанову давали не только тогда, когда он просил, но и тогда, когда правители Московской Руси считали нужным особо отметить его заслуги, честную службу и высокое мастерство художника. Чтобы не быть голословным, приведу несколько документов.

„19-го марта 1679 года Салтанову было дано за его многие живописные дела и что он работал у церкви Спаса Нерукотворного образа, что у великого государя на сеньях, в приказ 8 рублей“.³

„4 сентября 1681 года царь велел выдавать Ивану Салтанову и Ивану Безмину за их многие верховые дела вместо дворцоваго поденного корма и питья кормовых денег против Симона Ушакова по 5 рублей в год каждому“.⁴

„К пасхе 1681 года царь Федор Алексеевич приказал дать дворянину Салтанову за его искусство 30 рублей и кафтан суконный, кармазиновый, испод хребтовый белый, с опушкою бобровою и с золотыми или серебряными нашивками“.

„1-го января 1684 года Салтанову цари Иоанн и Петр Алексеевичи велели дать за его доброе мастерство и многую работу 10 аршин атласу алого самого доброго виницейского по 23 алтына 2 деньги за аршин“.⁵

¹ Материалы для истории русской иконописи, собранные Ив. Забелиным... стр. 120—121.

² А. И. Успенский, Царский живописец и дворянин Иван Иевлевич Салтанов. Старые годы, 1907, март, стр. 83.

³ А. И. Успенский, Словарь, стр. 239.

⁴ Там же, стр. 211.

⁵ Там же.

Несомненно, что русские цари ценили искусство Салтанова и считали его первоклассным художником. А как много и усердно работал Салтанов! Когда читаешь все материалы, то нельзя не восхищаться трудолюбием и плодovitостью художника; как много и какого разнообразного характера работы выполнялись Салтановым для нужд русского двора.

Для того, чтобы составить некоторое представление о широкой и разнохарактерной деятельности Салтанова в Оружейной Палате, приводим заимствованный из статьи А. И. Успенского с некоторыми дополнениями далеко неполный перечень работ художника.

В феврале 1668 года Салтанов писал „по полотну живописным письмом к государеву большому шатру“ (оп. 34 № 956—176 г.).¹

В 1670 году он написал „две иконы на меди—Спасов образ да Богородицы...“ (столбец № 620—178 года).

В 1671 году Богдан Салтанов писал подволоку в хоромы к царице Наталье Кирилловне (№ 957—179 года).

К пасхе 1671 года „армянин написал государю „в поднос.— образ Пречистой Богородицы с Превечным младенцем“ (столбец № 47—180 года).

В 1671 же году Салтанов росписал „12 ящичков разными цветными красками в шкатунку к царице Наталье Кирилловне“ (столбец № 159—180 года).

В 1672 году Салтановым были написаны „пять барашков, два козлика и две булавы в хоромы к царевичу Федру Алексеевичу“, (Оп. 34 № 957—180 года).²

12-го марта 1672 года „живописец Богдан Салтанов расписывал вновь два барабанчика потешных маленькиих по золоту разными цветными красками, расписывал также по золоту цветными красками два древка потешных тоших с яблоки“.³

В январе 1674 года Салтанов расписал „аспидом цветным древко к хоругви в Вознесенский монастырь“ (столбец № 196—182 года).⁴

В декабре того же года он „золотом и красками писал набат потешный в хоромы к царевичу Петру Алексеевичу“ (столбец № 145 183 года).

К пасхе того же года Салтанов написал „в поднос к государю пять знамен с изображением на первом из них Логина Сотника, иже при кресте Господнем, на втором—благоверного князя Довмонта Псковского, на третьем—архистратига божия Михаила, на четвертом—благоверного князя Георгия Владимирского, на пятом—муче-

¹ А. И. Успенский. Словарь, стр. 235. В скобках ссылка Успенского на рукописный источник. О работах Салтанова см. также: И. Забелин. Перечень иконописных и живописных работ московских дворцовых и городских мастеров XVII столетия. Русский Художественный Архив. 1894, стр. стр. 109, 111, 115—118, 121, 123, 127—128 и др.

² А. И. Успенский. Словарь, стр. 235—236.

³ И. Забелин. Домашний быт русских царей. Часть II. М., 1915, стр. 117.

⁴ А. И. Успенский. Словарь, стр. 236.

ника Христова Себастиана, на других сторонах знамен были изображены кресты пяти степеней" (столбец 341—183 года)

В мае 1675 года царский художник написал в хоромы царевича Федора Алексеевича столовую доску с изображением на ней притчи: „Когда царь Константин был не во благочестии и взят был в плен персы и приведен был в капище на жертву и свободился своими рабы воинами" (столбец № 380—183 года).

В июне Салтанов расписал две шкатулы для царицы (столбец № 409—183 года); в августе написал два древка „старых" в поход царевичу Петру Алексеевичу (столбец № 432—183 года).¹

В марте 1676 года Салтанов „росписал цветными красками киот в придел мученика Феодора Страгилата, травы на верхней кайме посреди—крест (столбец № 210—184 года); „дымчатым аспидом высаспил погребец в хоромы к великтому государю" (столбец № 220—184 года); „написал на оконнице орла к кругу, по углам травы по слюде—в хоромы к царевичу Петру Алексеевичу. Написана была оконница так, что „из хором сквозе видно было, а с надворья в хоромы не видно было" (столбец № 239—184 года). На „пушечке подносной" Салтанов „писал разными красками ободочки резные" (столбец № 250—184 года), в апреле того же года он расписал гнезда птиц: голубей, ракушек, канареек, щеглят, чижей, написал баранов, шерсть на них казалась „будто сущая" столбец № 251—184 года); в декабре того же года он написал на полотне „Распятие в хоромы к государю" (столбец № 118—185 года).²

В расходных книгах Оружейной Палаты за 1676 год в записи от 13 сентября сказано: „Живописцу Ивану Богданову Салтанову за краски 12 руб. Писал он по наряду в Оружейную Палату всякие приказные и верховые дела: потешные древка, ларцы, подголовки, шкафы, стулы, столовые доски, киот, шахматы маленькие, оконницу, пушку железную, птицы деревянные разными статьями, потешные волчки".³

В марте 1677 года Салтанов писал для царя „книжный аналой и деревянное резное клеймо" во дворец. (Оп. 33 № 958 л. 351 об.); в том же году он „писал стенное письмо в приказе Тайных дел" (столбец № 380—185 года).

В 1678 году художник „иноземец" писал стенопись в церкви „преподобномученицы Евдокии и иные многие верховые дела" (столбец 186 года № 515). Осенью того же года он расписывал „разными

¹ А. И. Успенский, Словарь, стр. 237.

² Там же, стр. 238.

³ Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, 1613—1725. Составил Завед. Архивом Оружейной Палаты А. Викторов. М., выпуск II, 1883, стр. 443—444.

Здесь же опубликованы окладные-расходные книги за 1687—1688 годы, где записано „Ива" Богданов сын Салтанов—Оклад 266 р. Росписка на армянском языке, там же, стр. 453.

красками и аспидами каменное новое крыльцо и около Спасского собора каменную ж новую панерть" (столбец 187 года № 29).

В 1679 году Салтанов написал „золотом и красками персону“ царя Федора Алексеевича (опись 34, книга № 959, л. 223 об.). В том же году он писал стенопись в церкви Иоанна Белоградского. (Опись 34, № 962, л. 442).

В 1680 году Салтанов написал на полотне „образ пресвятыя Богородицы Полоцкия“; образ „преподобномученицы Евдокии по полотну, евангельские притчи“ (там же, № 962, л. л. 550, 559) В том же году он написал „Крещение великого князя Владимира, Видение царя Константина и Собрание на избияниях младенцев“. (Столбец 188 года № 78).

В 1682 году Салтанов писал „персону царя Алексея Михайловича на полотне“. (Столбец 190 годз № 131). В том же году 10-го апреля он заявил в Оружейной Палате, что написан им „образ живоносного Христова воскресения на стекле. и тот образ указал великий государь ему Ивану взнестъ к себе в хоромы“ (столбец 190 г. № 369).

Летом 1688 года Салтанов приготовил „составную олифу“— „впредь для церковных и верховных живописных дел“. (Столбец 196 года № 547).¹

И, наконец, в 1694 году Иван Салтанов с другими живописцами писал царю Петру Алексеевичу двадцать три картины— „бои полевые, разные образцы“.²

Записи эти приобретают особую ценность, так как за редким исключением (всего несколько образцов икон) все работы Салтанова исчезли бесследно и навсегда. Из живописи Салтанова сохранились в Распяцкой церкви Московского кремлевского дворца: Картина с изображением животворящего креста и пред ним св. царя Константина и царицы Елены, а также царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны и патриарха Никона: вознесение господне; богоматерь с двумя ангелами; Иоанн Богослов и богоматерь (в распятии), а также живопись на резном кресте. Вот все то, чем располагал Успенский. Что же касается живописных работ иного характера, то от них ничего не осталось. Во всяком случае, их до сих пор не обнаружено. Поэтому эти скудные описания могут дать нам хотя бы некоторое представление о широкой и разнохарактерной деятельности Салтанова, в качестве царского живописца-иконописца в годы его пребывания в России.

Салтанов работал в Оружейной Палате долго, более тридцати пяти лет. Из архивных материалов видно, что он был еще там в 1702 году. После 1702 года в документах больше не встречается имя Салтанова. Что стало с ним после, где кончил свой век художник „иноземец“ ничего неизвестно.

¹ А. И. Успенский. Словарь, стр. 238—241, 244.

² И. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. I. М., 1862, стр. 166.

Теперь же я позволю себе перейти к оценке творчества Салтанова и к вопросам его места и значения в истории русской живописи.

А. И. Успенский возражает против попытки Грабаря рассматривать творчество Салтанова в рамках школы Ушакова. Действительно, даже при самом беглом взгляде на живопись обоих мастеров трудно найти что-либо общее между ними. Успенский возражает против попытки Грабаря „приписывать Ушакову слишком большую роль в деле переворота русской иконописи второй половины XVII века“. „Что касается до царских живописцев Салтанова, Безмина и Познанского, — пишет Успенский, — то они в своем мастерстве ни под каким влиянием не находились и к „школе“ Ушакова не принадлежали. Если, несомненно, царские иконописцы XVII века находились под сильнейшим влиянием живописцев, то последние ни в коем случае не учились у иконописцев“.¹

В. Трутовский, автор обширной статьи об Оружейной Палате и Хитрово писал по поводу того, с каким запасом знаний Салтанов приехал в Россию: „Очевидно, он раньше был уже известен, как художник, потому что ему сразу вменено было в обязанность выучить своему мастерству из русских людей учеников“². Конечно, Салтанов приехал в Россию уже зрелым мастером и его творческая биография началась еще в Персии. Иначе как могло быть, чтоб поручали обучение русских мастеров недостаточно опытному живописцу. Нам удалось, на основе материалов, опубликованных в печати А. И. Успенским, установить, что у Салтанова в разное время училось живописному делу довольно большое количество людей. В документах упоминаются в качестве учеников Салтанова: Афанасий Филиппов, Матвей Рыдкин, Лазарь Иванов, Карп Астафьев, Марк Иванов, Емельян Кондратов, Ивашка Федосеев, Мишка Фирсов, Гришка Грызлов, Игнашка Скарчевский, Якушка Кондратов, Савказрап (Савва Яковлев); из стрельцов: „Самсонка да Сенька“, „Петрушка да Афонька“. В документах говорится о том, что Салтанов выучил своих учеников „русских людей живописному своему мастерству, чему он Иван сам горазд“.³

Большой интерес представляет та часть статьи Трутовского, в которой дается общая характеристика тех времен, когда Салтанов работал в Оружейной Палате. Вторая половина XVII века в духовной жизни России была оживленной, бурной. Это была эпоха церковных реформ, проводимых патриархом Никоном, времена религиозной борьбы; в эти годы прозвучали страстные проповеди протопопа Аввакума, его горячий протест против всяких нововведений, запад-

¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Том IV, М. 1916, стр. 8, 11.

² В. Трутовский. Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Московская Оружейная Палата. Старые годы, 1909, июль—сент., стр. 362.

³ А. И. Успенский. Словарь, стр. стр. 235, 237, 240.

ных влияний, в частности и в русской иконописи: „Пишут Спасов образ Емануила лицо одутловато, уста червонные, волосы кудрявые, руки у мышцы толстые, тоже и у ног бедра толстые, а весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишь сабли той при бедре не написано. А все то писано по плотскому умыслу“.¹ Эти строки приводит автор статьи для того, чтобы характеризовать творчество Салтанова. И как бы иллюстрируя мысли Аввакума, так описывается икона, принадлежащая кисти Салтанова—писанный им образ богоматери: „лицо обрюзглое и опухшее старой женщины, выражение слезливое и скучное, без всякой пронзительности, тело полное и пухлые руки—все это так мало напоминает икону и так грубо и животнo, что только терпимостью и западничеством Хитрово и можно объяснить существование такого иконописца среди „царских“. А его ангелы—это какие-то голландские толстые, жирные, крепкие бюргеры...“²

Источники всех этих недостатков с точки зрения Трутовского—влияние голландских и немецких мастеров на творчество Салтанова. С другой стороны, автор статьи не целиком отдает его Западу:— „Хотя этот пошиб был и преобладающим у Салтанова,—продолжает Трутовский,—все же он иногда находил в себе достаточно способности приблизиться и к „истовому“ письму. Такова его икона св. Константина и Елены... Здесь и лица, и позы, и движения всех фигур опять условны, опять „иконописны“. Почему же в других случаях он был так груб, так животнo-телесен?“³

После этой суровой критики Трутовский приходит к выводу: „Несмотря, однако, на все эти недостатки Салтанова, как иконописца, нельзя отказать в талантливости, в знании анатомии, в рисунке и умении передавать движения. И, возможно, что при других условиях из него мог бы выработаться недурной бытов0й художник голландского типа“.⁴

Действительно, работы Салтанова выделяются на общем фоне русской иконописи XVII века своей и особой манерой письма, и образами. Однако, Трутовский, сторонник традиционных условностей старинной русской иконописи, в своей оценке суров и несколько субъективен. Что живопись Салтанова выходит за рамки русской иконописи—это верно и это связано с вопросом об истоках творчества художника—„иноземца“, но трудно видеть в спокойном взоре богоматери Салтанова нечто „животное и грубое“.

В оценке значения и определения места творчества Салтанова в истории русской живописи более объективно и справедливо подошел один из крупнейших исследователей древне-русского искусства,

¹ Старые годы, 1909, июль—сент., стр. 357.

² Там же, стр. 362.

³ Там же, стр. 362—363.

⁴ Там же, стр. 363.

тот, кому и принадлежит честь открытия имени художника— „иноземца“,— А. И. Успенский:

„Салтанов громадную пользу принес русскому искусству, внося в него новую, свежую и живительную струю. Он дольше всех остальных художников-иностранцев работал в Оружейной Палате, научил многих русских живописи. Было время, когда наши дворцы в числе своих драгоценнейших украшений имели именно картины Салтанова. Пожар 1737 года и другие пожары беспощадно уничтожили значительную часть художественных произведений XVII века.

Немного из произведений Салтанова дошли до нас, но и они показывают, что это был, действительно, первоклассный художник... Мы добрым именем, с глубокой благодарностью и уважением поманем художника, оставившего „природительские пожитки“ ради воссоздания и насаждения в России—русской живописи“.¹

Деятельность Богдана Салтанова в Московской Оружейной Палате знаменательное явление в истории культурных связей армянского народа с допетровской Москвой.

¹ А. И. Успенский. Словарь, стр. 245. Царский живописец дворянин Иван Исавлевич Салтанов. Старые годы. 1907, март, стр. 86.